

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-212-219

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

МИХАЛЕВ Владимир Евгеньевич,

аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП)», член ассоциации историков права, SPIN-код: 6732-0435, AuthorID: 1249464,

e-mail: vladimirm.mihalev77@yandex.ru

Научный руководитель:

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,

д.ю.н, к.и.н., профессор,

e-mail: theory@izak.ru

ГЕРМАНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ КАК ФОРМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ЭКСПАНСИИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается германский колониализм конца XIX - начала XX века как форма европейской правовой экспансии. Обосновывается, что колониальная политика Германской империи предполагала не только военно-политическое установление контроля над внеевропейскими территориями, но и создание особого правового режима, основанного на нормах международного, административного, консульского и колониального права. Особое внимание уделяется конструкции Schutzgebiet, роли Берлинской конференции 1884–1885 гг., механизмам протектората, колониальной администрации и дуализму юрисдикции в отношении европейского и коренного населения. Делается вывод, что германский колониализм являлся одним из вариантов европейской правовой экспансии, при котором право выступало инструментом легитимации, институционализации и поддержания колониального господства

Ключевые слова: германский колониализм; Германская империя; европейская правовая экспансия; колониальное право; Schutzgebiet; протекторат; Берлинская конференция; колониальная администрация; международное право; историко-правовой анализ.

MIKHALEV Vladimir Evgenievich,

Postgraduate Researcher at the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Federal State Research Institution Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Member of the Association of Legal Historians

Supervisor:

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,

doctor of law, ph.d., professor

GERMAN COLONIALISM AS A FORM OF EUROPEAN LEGAL EXPANSION IN THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines German colonialism in the late nineteenth and early twentieth centuries as a form of European legal expansion. It argues that the colonial policy of the German Empire involved not only military and political control over non-European territories, but also the creation of a special legal regime based on international, administrative, consular and colonial law. Particular attention is paid to the concept of Schutzgebiet, the Berlin Conference of 1884–1885, protectorate mechanisms, colonial administration and the dualism of jurisdiction over European and indigenous populations. The author concludes that German colonialism was one of the forms of European legal expansion, in which law served as an instrument for legitimizing, institutionalizing and maintaining colonial domination.

Key words: *German colonialism; German Empire; European legal expansion; colonial law; Schutzgebiet; protectorate; Berlin Conference; colonial administration; international law; historical and legal analysis.*

Введение

В современной историко-правовой науке изучение германского колониализма конца XIX - начала XX века имеет значение для понимания механизмов европейской правовой экспансии и юридического оформления колониального господства. Германская империя включилась в колониальный раздел мира позднее Великобритании, Франции, Испании, Португалии и Нидерландов, однако за короткий период создала систему заморских владений в Африке, Океании и Восточной Азии. Особенность германского колониального проекта заключалась в том, что он развивался не только как военно-политическая и экономическая экспансия, но и как особый правовой режим, основанный на конструкции «защитных территорий» - *Schutzgebiete*, административных распоряжениях, международных соглашениях и колониальной юрисдикции.

Исследование германского колониализма опирается на труды отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих различные аспекты данной проблематики. В отечественной историографии «колониальный вопрос» в Германии, становление германского присутствия в Юго-Западной Африке, особенности колониального этоса, германо-намибийские отношения и восточноазиатское направление экспансии анализируются в работах В.В. Ряполова, В.Н. Корякина, А.Ю. Калистратова, С.В. Буталия, Н.В. Ивкиной, А.С. Тихонова, П.С. Травкина, Д.А. Пашенцева и М.Д. Сабелкис [1-8]. Историко-правовой аспект германского колониализма, включая статус «защитных территорий», колониальную юстицию и доктрину колониального права, раскрывается в исследованиях, А. Польша, Х. Хаммена, Я. Цольмана и Л. Нуццо [13-15; 17].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа правовых форм европейского колониализма. В существующей литературе германская колониальная политика часто рассматривается через призму международных отношений, военной истории, экономической экспансии или постколониальной памяти. Вместе с тем историко-правовой подход позволяет выявить, каким образом право участвовало в создании, легитимации и поддержании колониального порядка. В этом отношении германский опыт особенно показателен, поскольку конструкция *Schutzgebiet* позволяла включать колониальные территории в сферу власти Германской империи без их полного конституционного приравнивания к территории

рейха.

Целью настоящей работы является проведение историко-правового анализа германского колониализма конца XIX - начала XX века как одной из форм европейской правовой экспансии. Для достижения данной цели предполагается рассмотреть идеологические и политико-правовые предпосылки германской колониальной политики, значение Берлинской конференции 1884–1885 гг., правовую природу конструкции *Schutzgebiet*, механизмы колониального управления и место германской модели в системе европейского колониального права.

Гипотеза исследования заключается в том, что германский колониализм не являлся исключительно военно-политическим или экономическим проявлением империализма, а представлял собой юридически оформленную систему внешнего господства, в которой нормы международного, административного, консульского и колониального права использовались для легитимации колониального контроля, дифференциации правового статуса населения и расширения полномочий имперской администрации.

Материалы и методы исследования включают анализ нормативных правовых актов Германской империи, международных соглашений, отечественной и зарубежной историографии, а также научных работ по истории колониального права. В работе используются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы, позволяющие рассмотреть германский колониализм как часть более широкого процесса европейской правовой экспансии.

Идеологические и политико-правовые предпосылки германской колониальной экспансии

Формирование германской колониальной политики было связано с национальным объединением Германии и становлением Второго рейха как новой великой державы. После провозглашения Германской империи в 1871 г. колониальная идея постепенно стала восприниматься как средство внешнеполитического самоутверждения и включения страны в систему глобального соперничества. В.В. Ряполов отмечает, что «колониальный вопрос» в 1870-е - 1880-е гг. становился одним из значимых направлений внешней политики молодой империи и оказывал влияние на её национально-государственное

развитие [6, с. 78–86].

Общий государственно-правовой контекст становления Германской империи раскрывается в учебнике Д.А. Пашенцева, где подчёркивается, что после объединения Германии Конституция 1871 г. закрепила федеративную по форме, но фактически монархическую и прусско-доминирующую модель власти. Император обладал значительными полномочиями в сфере внешней политики, командования армией и назначения имперского канцлера, тогда как союзные органы отражали сложный баланс между федеративным устройством и ведущей ролью Пруссии [5, с. 207–209].

В 1870-е гг. колониальная экспансия ещё не имела безусловной поддержки германского правительства. О. фон Бисмарк первоначально относился к созданию заморских владений осторожно, считая приоритетом укрепление империи в Европе. Однако на рубеже 1870–1880-х гг. усиление промышленности, рост внешнеторговых интересов, развитие морской торговли и активизация колониальной пропаганды изменили ситуацию. По данным В.В. Ряполова, в начале 1880-х гг. колониальная пропаганда охватила влиятельные социальные группы, политические партии, фракции рейхстага, прессу и публицистику, а в немецкой печати всё активнее обсуждались переселенческие и торговые колонии, сырьевые источники, рынки сбыта и возможности вывоза капитала [3, с. 82–83].

Идеологическая база германского колониализма складывалась из нескольких элементов: мотива национального престижа, экономических аргументов и представления о «цивилизаторской миссии» Европы. Германия, опоздавшая к первоначальному разделу колониального мира, стремилась занять место среди держав, уже обладавших значительными заморскими владениями. Вместе с тем германский колониализм с самого начала имел выраженное политико-правовое измерение. Для закрепления германского присутствия было недостаточно фактического занятия территории или деятельности отдельных купцов, миссионеров и колониальных обществ. Необходимо было юридически оформить приобретения, придать им международное признание и включить их в систему имперского управления. Это видно на примере Юго-Западной Африки, где частная инициатива Адольфа Людерица в районе Ангра-Пекена постепенно превратилась в вопрос государственной защиты и установления германского протектората [4, с. 86–87].

Политико-правовой характер германского колониализма проявился и в конструкции «защитных территорий» - Schutzgebiete. Такая

форма позволяла распространить на колонии власть рейха, но не включать их полностью в конституционно-правовое пространство метрополии. В результате возник режим правовой асимметрии: колонии находились под властью империи, однако их население не обладало тем же объёмом гарантий, который существовал для жителей самой Германии. Поэтому Schutzgebiet выступал не только административным термином, но и юридическим способом неравноправного включения колониальных территорий в сферу германской власти [13, S. 191–209].

Особую роль сыграл общеевропейский контекст. Германия действовала внутри системы колониального соперничества, где уже существовали признанные формы оформления власти: протекторат, договор с местными правителями, концессия, аренда, сфера влияния, консульская юрисдикция. Берлинская конференция 1884–1885 гг. придала этим практикам международно-правовой язык, связанный с оккупацией, уведомлением других держав и разграничением сфер интересов. Поэтому германская экспансия была частью более широкого процесса европейской правовой экспансии, в рамках которого право превращало фактическое господство в признанный юридический порядок [14].

Германская империя, вступившая в колониальную гонку позднее других держав, активно ориентировалась на британские, французские и нидерландские практики управления, но не копировала их механически. Она соединяла заимствованные европейские правовые формы с особенностями немецкого государственного строительства, сильной ролью исполнительной власти и стремлением к быстрому институциональному оформлению колониального режима. А. Польш подчёркивает, что германская правовая наука внесла значительный вклад в легитимацию колониального проекта и расширение пределов колониальной власти [15, S. 120–134].

Таким образом, предпосылки германской колониальной экспансии были обусловлены сочетанием национально-государственных, экономических, внешнеполитических и правовых факторов. Германия стремилась утвердиться в качестве мировой державы, получить доступ к рынкам и ресурсам, а также закрепить своё присутствие в системе европейского колониального соперничества. При этом договоры, протектораты, защитные грамоты, административные распоряжения и конструкция Schutzgebiet выступали не второстепенным сопровождением колониальной политики, а её важнейшими инструментами.

Правовые формы германского колониального господства: от частной инициативы к имперскому протекторату

Одной из характерных особенностей германской колониальной экспансии было то, что она нередко начиналась не с прямого государственного захвата, а с частной торговой, миссионерской или предпринимательской инициативы. На раннем этапе Германская империя использовала деятельность купцов и колониальных обществ как предварительный механизм проникновения на внеевропейские территории. Однако колониальное значение такие инициативы приобретали только после получения государственного покровительства, дипломатического сопровождения и публично-правового оформления.

Наиболее показателен пример Юго-Западной Африки. В 1882 г. бременский купец Адольф Людериц основал факторию в районе Ангра-Пекена, рассчитывая использовать её для торговли с Германией. Уже 16 ноября 1882 г. он обратился в Министерство иностранных дел Германии с просьбой об установлении протектората и защите своей собственности. Позднее его представитель Генрих Фоегльзанг заключил сделки с местным вождём Йозефом Фредериксом фон Бетаниеном, приобретая сначала прибрежную полосу, а затем более обширные территории вглубь страны [4, с. 86–87].

Важным этапом стало дипломатическое взаимодействие с Великобританией. Германское правительство обратилось к британской стороне с вопросом о её притязаниях на соответствующую территорию. Не получив удовлетворительного ответа, О. фон Бисмарк 24 апреля 1884 г. провозгласил германский протекторат над Ангра-Пекена и прилегающим побережьем. В дальнейшем британский парламент признал совершившийся факт, что фактически означало международное признание первой германской колонии - Германской Юго-Западной Африки [4, с. 86–87]. Таким образом, частная инициатива Людерица была преобразована в имперский протекторат через сочетание договорных, дипломатических и военно-политических средств.

Дальнейшее развитие германского колониального господства было связано с оформлением режима *Schutzgebiet*. Закон о правовых отношениях германских защитных территорий 1886 г. закрепил особую модель колониального управления: «защитные территории» не становились обычными частями территории рейха, но находились под властью германского императора, осуществлявшего *Schutzgewalt* от имени империи [12, S. 75–76]. Такая конструкция позволяла расширять сферу

германской власти, не распространяя на колонии весь комплекс конституционных гарантий, действовавших в метрополии.

Редакция Закона о защитных территориях 1900 г. закрепила более развитую модель германского колониального государственного права. Особенно важно, что она допускала дифференцированное распространение правовых норм на различные категории населения. В отношении коренного населения действие общей колониальной юрисдикции могло определяться специальными императорскими распоряжениями, что усиливало зависимость правового положения местных жителей от административного усмотрения [9, S. 812–817].

Существенную роль играли и защитные грамоты, предоставлявшиеся колониальным обществам. Они позволяли Германской империи делегировать частным организациям отдельные властные полномочия, сохраняя верховный контроль за рейхом. Такая модель была характерна для начального этапа экспансии, когда государство стремилось использовать ресурсы частных предпринимателей и минимизировать прямые административные издержки. В дальнейшем она уступила место более централизованному имперскому управлению [10].

Германский опыт показывает, что право в колониальном контексте выполняло не только регулирующую, но и легитимирующую функцию. Договоры с местными правителями, ссылки на защиту собственности, режим протектората, международное признание и последующее законодательное оформление *Schutzgebiet* создавали видимость правомерности колониального захвата. В этом отношении германская модель была частью более широкой европейской правовой экспансии. Берлинская конференция 1884–1885 гг. придала колониальному разделу Африки международно-правовой язык, связанный с оккупацией, уведомлением других держав и разграничением сфер влияния [11, S. 215–246]. Для Германии это имело особое значение, поскольку молодая колониальная держава нуждалась в признании своих приобретений мировым сообществом.

Таким образом, правовые формы германского колониального господства развивались поэтапно: от частной инициативы и договоров с местными правителями - к государственной защите, дипломатическому признанию, протекторату и режиму *Schutzgebiet*.

Германская экспансия в Китае и Цзяочжоу: аренда, военно-морская база и правовое оформление зоны влияния

Если германская экспансия в Африке наиболее ярко проявилась через режим

протектората и конструкцию *Schutzgebiet*, то восточноазиатское направление демонстрирует иную правовую модель колониального господства. В Китае Германская империя стремилась не столько к созданию обширной поселенческой колонии, сколько к приобретению стратегического порта, военно-морской базы и экономической зоны влияния. Поэтому Цзяочжоу и Циндао представляют особый интерес для историко-правового анализа: германское присутствие здесь оформлялось преимущественно через договор аренды, портовое управление, инфраструктурные права и военно-морское администрирование.

К концу XIX в. Китай оказался в центре соперничества европейских держав, России, Японии и США. После поражения в японо-китайской войне 1894–1895 гг. ослабление Цинской империи усилило процесс раздела китайской территории на сферы влияния. Германия рассматривала Китай как перспективное пространство для торговой, политической и военно-морской экспансии. А. С. Тихонов отмечает, что германская политика в Восточной Азии была направлена на приобретение незамерзающего порта для дальнейшего экономического продвижения, а выбор Цзяочжоу определялся военно-политическими и торговыми интересами Второго рейха [7, с. 1175–1177].

Восточноазиатское направление германской политики было связано с концепцией *Weltpolitik*, провозглашённой при Вильгельме II. Новая внешнеполитическая линия исходила из необходимости превращения Германии в мировую державу, обладающую флотом, колониями, заморскими базами и прямым доступом к международным рынкам. В этом контексте Цзяочжоу рассматривался как удобный опорный пункт для германского флота и торговли, а также как база для продвижения германского капитала в северном Китае, включая строительство железных дорог, добычу полезных ископаемых и развитие торговых коммуникаций [7, с. 1177–1180].

Поводом для активных действий Германии стал инцидент, связанный с убийством немецких миссионеров в провинции Шаньдун. Он был использован как юридико-политическое обоснование вмешательства, что соответствовало европейской практике защиты миссионеров, торговцев и подданных как предлога для установления контроля над внеевропейскими территориями. После занятия Циндао германская сторона добилась договорного оформления своего присутствия. По договору 1898 г. Китай передавал Германии порт на 99 лет с правом строительства доков, фортификационных сооружений и железной дороги, а также предоставлял германским компаниям возможности для разработки природных ресурсов [7, с. 13–16].

С историко-правовой точки зрения договор об аренде Цзяочжоу имел принципиальное значение. Он позволял Германии установить долговременный контроль над территорией без формального объявления её полной колониальной аннексии. Такая форма сохраняла внешнюю оболочку договорных отношений с китайским государством, но фактически ограничивала его суверенные полномочия в пределах переданной территории. Аренда превращалась в инструмент политико-правового подчинения: номинально территория оставалась связанной с Китаем, однако ключевые функции управления, обороны, инфраструктурного развития и хозяйственного освоения переходили к Германии.

Циндао быстро превратился в главный германский форпост на Дальнем Востоке. Его значение определялось сочетанием военно-морских, торговых и административных функций: порт использовался как база германского флота, центр защиты морских коммуникаций и пространство экономического проникновения. Развитие доков, железнодорожных концессий, торговли, добычи угля, банковской инфраструктуры и предпринимательской активности германских компаний превращало аренду в основу более широкого экономического и административного влияния [8, с. 13–16].

В отличие от Германской Юго-Западной Африки, где особое значение имели поселенческий фактор, земельные изъятия и военно-полицейское подавление местного населения, Цзяочжоу представлял собой преимущественно военно-морскую и торговую колониальную модель. Однако сама конструкция арендованной территории отражала асимметрию между европейской державой и ослабленным неевропейским государством.

Таким образом, германская экспансия в Китае демонстрирует особую форму колониального господства, отличную от африканских протекторатов, но связанную с ними общей логикой европейской правовой экспансии. Если в Африке основным инструментом выступали протекторат и режим *Schutzgebiet*, то в Китае ключевую роль сыграли аренда, портовое управление, военно-морская база, концессионные права и зона влияния. Эти формы позволяли Германии юридически закрепить стратегическое присутствие, не прибегая к прямому включению территории в состав империи.

Специфика германского колониализма в системе европейской правовой экспансии

Германский колониализм конца XIX – начала XX века являлся частью общеевропейского процесса территориального, экономического и правового распространения власти метрополий

на внеевропейские пространства. Вместе с тем он обладал рядом особенностей, обусловленных поздним вступлением Германии в колониальную гонку, сравнительно кратким периодом существования её колониальной империи, высокой ролью исполнительной власти и стремлением быстро юридически оформить приобретения в условиях межимперского соперничества.

Первая особенность германской модели заключалась в её догоняющем характере. Германская империя приступила к формальному приобретению колоний лишь в 1880-е гг., когда основные направления европейской колониальной экспансии уже были заняты другими державами. А.Ю. Калистратов подчёркивает, что Германия, включившись позже других великих держав в колониальную гонку, к началу XX в. сумела утвердиться на относительно небольших территориях в разных регионах мира, причём наиболее крупные владения располагались в Африке [3, с. 140–141]. Эти факты предопределили форсированный характер германской экспансионной политики.

Вторая особенность состояла в особом юридическом оформлении колониального господства. Германская модель была относительно быстро сведена к конструкции *Schutzgebiet*. Закон 1886 г. и его редакция 1900 г. закрепили статус «защитных территорий», находившихся под властью Германской империи, но не включавшихся в неё как обычная часть государственной территории [12; 9]. Такая конструкция создавала правовую асимметрию: колонии принадлежали сфере германской власти, однако не получали полного конституционно-правового статуса метрополии.

Третья особенность проявлялась в концентрации власти в руках исполнительных органов и дуализме правового статуса населения. Колониальное управление строилось вокруг кайзеровской *Schutzgewalt*, полномочий рейхсканцлера, колониального отдела Министерства иностранных дел, а позднее Имперского колониального ведомства. Колониальное право развивалось преимущественно как система императорских ордонансов, административных распоряжений и делегированных полномочий. Так, Я. Цольман показывает, что колониальная юстиция не просто применяла германское право за пределами Европы, а перерабатывала судебную систему по статусному и расово-правовому принципу [17].

Четвёртая особенность заключалась в тесной связи германского колониального права с общеевропейскими правовыми практиками. Берлинская конференция 1884–1885 гг. имела принципиальное значение, поскольку задала

международно-правовой язык колониального раздела, основанный на оккупации, уведомлении других держав и признании сфер интересов [11, S. 215–246]. В этом смысле специфика Германии состояла не в отрыве от европейской традиции, а в ускоренном усвоении и адаптации уже сложившихся колониально-правовых инструментов.

Пятая особенность связана с противоречием между риторикой «защиты» и фактической практикой господства. Сам термин *Schutzgebiet* предполагал идею покровительства и правового порядка, однако на практике служил юридической формой подчинения территорий и населения. Л. Нуццо рассматривает колониальное право как самостоятельный европейский дискурс, связанный с международным и консульским правом, но одновременно служивший юридическому оформлению неравенства между метрополией и колонизированными обществами [14]. Поэтому право в германском колониальном контексте выступало не только регулятором, но и инструментом легитимации неравноправного порядка.

Таким образом, специфика германского колониализма заключалась в особом сочетании позднего вступления в колониальную гонку, форсированного юридического оформления захватов, конструкции *Schutzgebiet*, высокой роли исполнительной власти, дуализма юрисдикции, сравнительно-правовых заимствований и жёсткой административно-полицейской практики.

Выводы

Проведённый историко-правовой анализ позволяет сделать несколько основных выводов.

Во-первых, германский колониализм конца XIX - начала XX века сформировался в условиях уже сложившейся европейской колониальной системы. В отличие от Великобритании и Франции, Германская империя вступила в колониальную гонку сравнительно поздно, что обусловило догоняющий и одновременно форсированный характер её экспансии. Колонии рассматривались не только как источник сырья, рынков сбыта и военно-морских опорных пунктов, но и как средство подтверждения великодержавного статуса Второго рейха.

Во-вторых, германская колониальная политика была тесно связана с общеевропейской практикой юридического оформления господства над внеевропейскими территориями. Договоры с местными правителями, протектораты, защитные грамоты, аренда территорий, военно-морские базы, административные распоряжения и специальные режимы юрисдикции выступали не второстепенным сопровождением экспансии, а её важнейшими инструментами. В этом отношении

германский опыт показывает, что европейский колониализм опирался не только на военную силу и экономическое давление, но и на право как средство легитимации власти.

В-третьих, на примере Германской Юго-Западной Африки видно, как частная торговая инициатива могла трансформироваться в публично-правовую власть империи. Деятельность Адольфа Людерица, первоначально связанная с приобретением земель и организацией торговой фактории, стала основанием для обращения к германскому государству за защитой, а затем - для провозглашения протектората. Тем самым частнопрововая сделка была превращена в юридический аргумент колониального господства.

В-четвёртых, опыт Цзяочжоу показывает, что германская экспансия могла принимать не только форму классического протектората или «защитной территории», но и форму договорно оформленной зоны влияния. Аренда территории, создание военно-морской базы, развитие портовой инфраструктуры и закрепление экономических прав позволяли Германии установить стратегическое присутствие в Китае без прямого включения данной территории в состав империи.

В-пятых, германский колониализм демонстрирует, что европейская правовая экспансия не была нейтральным распространением юридических институтов. Напротив, право в колониальном контексте выступало механизмом формирования неравноправного порядка: оно закрепляло особый статус колониальных территорий, различие правового положения европейского и коренного населения, расширенные полномочия администрации и возможность чрезвычайного управления. Следовательно, германский колониализм следует рассматривать как одну из форм европейской правовой экспансии, в которой юридические конструкции служили не только регулированию, но и институционализации колониального господства.

Список литературы:

[1] Буталий С.В. Особенности германского колониального этоса и отношения между немцами и африканцами в Юго-Западной Африке (1884–1914 гг.) / С.В. Буталий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 73-1. — С. 78–84. — EDN JBAJIP.

[2] Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма / Н.В. Ивкина // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2022. — Т. 9, № 1(33). — С.

171–181. — DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181. — EDN AAXSBT.

[3] Калистратов А.Ю. Отечественная историография германского колониализма в Африке / А.Ю. Калистратов // Вестник Брянского государственного университета. — 2022. — № 1(51). — С. 140–167. — DOI 10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167. — EDN HPEGHG.

[4] Корякин В.Н. Германский колониализм на Юго-Западе Африки в начале 1880-х годов / В.Н. Корякин // Студенческая наука и XXI век. — 2019. — Т. 16, № 1-2(18). — С. 86–87. — EDN YGURIP.

[5] Пашенцев Д.А. История государства и права зарубежных стран: учебник / Д.А. Пашенцев. — Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-4365-5994-0. — EDN QRV TAS.

[6] Ряполов В.В. «Колониальный вопрос» в Германии (1870-е — 1880-е годы): в поисках национально-государственной идентичности / В.В. Ряполов // История: факты и символы. — 2016. — № 2(7). — С. 78–86.

[7] Тихонов А.С. Германская колониальная экспансия в Китай в конце XIX в. / А.С. Тихонов // Historia Provinciae — журнал региональной истории. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 1175–1197. — DOI 10.23859/2587-8344-2024-8-4-3. — EDN WXBCYQ.

[8] Травкин П.С. Циндао как главный восточный форпост Германии в Первой четверти XX вв. / П.С. Травкин, М.Д. Сабелкис // Cognitio Rerum. — 2021. — № 1. — С. 13–16. — EDN CMTLM.

[9] Bekanntmachung wegen Redaktion des Schutzgebietsgesetzes. Vom 10. September 1900 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1900. — Bd. 1900. — Nr. 40. — S. 812–817.

[10] Die deutsche Kolonial-Gesetzgebung: Sammlung der auf die deutschen Schutzgebiete bezüglichen Gesetze, Verordnungen, Erlasse und internationalen Vereinbarungen, mit Anmerkungen und Sachregister. — Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1893 ff.

[11] General-Akte der Berliner Konferenz vom 26. Februar 1885 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1885. — Nr. 23. — S. 215–246.

[12] Gesetz, betreffend die Rechtsverhältnisse der deutschen Schutzgebiete. Vom 17. April 1886 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1886. — Bd. 1886. — Nr. 10. — S. 75–76.

[13] Hammen H. Kolonialrecht und Kolonialgerichtsbarkeit in den ehemaligen deutschen Schutzgebieten: Ein Überblick / H. Hammen // Verfassung und Recht in Übersee. — 1999. — Bd. 32. — S. 191–209.

[14] Nuzzo L. Kolonialrecht / Colonial Law / L. Nuzzo // Europäische Geschichte Online. — 2011. — URL: <https://ieg-ego.eu/de/threads/europa-und-die-welt/herrschaft/luigi-nuzzo-kolonialrecht> (дата обращения: 27.05.2026).

[15] Pohl A. Deutsches Kolonialstaatsrecht und Völkerrecht im 19. Jahrhundert / A. Pohl // Berliner Rechtszeitschrift. — 2024. — № 2. — S. 120–134.

[16] Steinmetz G. The Devil's Handwriting: Precoloniality and the German Colonial State in Qingdao, Samoa, and Southwest Africa / G. Steinmetz. — Chicago: University of Chicago Press, 2007.

[17] Zollmann J. Recht sprechen über «besondere Gebilde» — die koloniale Gerichtsbarkeit und das Reichsgericht / J. Zollmann // Rechtsgeschichte — Legal History. — 2023. — № 31.

References:

[1] Butaliy S.V. Features of the German colonial ethos and relations between Germans and Africans in South-West Africa (1884-1914) / S.V. Butaliy // News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. — 2008. — № 73-1. - S. 78-84. — EDN JBAJIP.

[2] Ivkina N.V. Cultural and humanitarian relations between Germany and Namibia: the experience of overcoming colonialism / N.V. Ivkina // Bulletin of the University of Omsk. Series: Historical Sciences. — 2022. - T. 9, NO. 1 (33). - S. 171-181. — DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181. — EDN AAXSBT.

[3] Kalistratov A.Yu. Domestic historiography of German colonialism in Africa / A.Yu. Kalistratov // Bulletin of Bryansk State University. — 2022. — № 1(51). - S. 140-167. — DOI 10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167. — EDN HPEGHG.

[4] Koryakin V.N. German colonialism in Southwest Africa in the early 1880s / V.N. Koryakin // Student science and the 21st century. — 2019. - T. 16, NO. 1-2 (18). - S. 86-87. — EDN YGURIP.

[5] D.A. Pashentsev. History of the state and the law of foreign countries: textbook / D.A. Pashentsev. - Moscow: Editorial and Publishing Association "New Justice," 2021. - 360 p. - ISBN 978-5-4365-5994-0. — EDN QRVTAS.

[6] Ryapolov V.V. "Colonial question" in Germany (1870s - 1880s): in search of national-state identity / V.V. Ryapolov // History: facts and symbols. — 2016. — № 2(7). - S. 78-86.

[7] Tikhonov A.S. German colonial expansion into China at the end of the 19th century / A.S. Tikhonov // Historia Provinciae - a journal of regional history. — 2024. - T. 8, NO. 4. - S. 1175-1197. — DOI 10.23859/2587-8344-2024-8-4-3. — EDN WXBCYQ.

[8] Travkin P.S. Qingdao as the main eastern outpost of Germany in the First Quarter of the 20th centuries / P.S. Travkin, M.D. Sabelkis // Cognitio Rerum. — 2021. — № 1. - S. 13-16. — EDN CMTLM.

[9] Bekanntmachung wegen Redaktion des Schutzgebietgesetzes. Vom 10. September 1900 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1900. — Bd. 1900. — Nr. 40. — S. 812–817.

[10] Die deutsche Kolonial-Gesetzgebung: Sammlung der auf die deutschen Schutzgebiete bezüglichen Gesetze, Verordnungen, Erlasse und internationalen Vereinbarungen, mit Anmerkungen und Sachregister. — Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1893 ff.

[11] General-Akte der Berliner Konferenz vom 26. Februar 1885 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1885. — Nr. 23. — S. 215–246.

[12] Gesetz, betreffend die Rechtsverhältnisse der deutschen Schutzgebiete. Vom 17. April 1886 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1886. — Bd. 1886. — Nr. 10. — S. 75–76.

[13] Hammen H. Kolonialrecht und Kolonialgerichtsbarkeit in den ehemaligen deutschen Schutzgebieten: Ein Überblick / H. Hammen // Verfassung und Recht in Übersee. — 1999. — Bd. 32. — S. 191–209.

[14] Nuzzo L. Kolonialrecht / Colonial Law / L. Nuzzo // Europäische Geschichte Online. — 2011. — URL: <https://ieg-ego.eu/de/threads/europa-und-die-welt/herrschaft/luigi-nuzzo-kolonialrecht> (дата обращения: 27.05.2026).

[15] Pohl A. Deutsches Kolonialstaatsrecht und Völkerrecht im 19. Jahrhundert / A. Pohl // Berliner Rechtszeitschrift. — 2024. — № 2. — S. 120–134.

[16] Steinmetz G. The Devil's Handwriting: Precoloniality and the German Colonial State in Qingdao, Samoa, and Southwest Africa / G. Steinmetz. — Chicago: University of Chicago Press, 2007.

[17] Zollmann J. Recht sprechen über «besondere Gebilde» — die koloniale Gerichtsbarkeit und das Reichsgericht / J. Zollmann // Rechtsgeschichte — Legal History. — 2023. — № 31.

